

И. Кронверкский

Д Е Б Е Т

Д Е С Я Т И

... С порога виден полутемный зал, вернее, комната, дальше бегут какие-то арочки, еще дверь- и боковой зал, где сначала видишь буфетную стойку (1), а потом- две стены с довольно сумбурной развеской. В третий- "Большой" зал не так-то легко попасть- надо твердо знать, что он существует, а потом открыть его за одним из поворотов...

Таков наш "Салон независимых"- на сей раз без корзины с цветами и прожекторов. "Выставку десяти" так давно ожидали, что в итоге все экспозиционные огрехи оказались настолько незначительными, что их упоминали как досадную случайность. Между тем, случайностей оказалось так много, что для зрителей, не знакомых с творчеством десяти экспонентов, они выглядят даже... убедительно. В результате зрители уверуют, что Тихомировой мало известны законы композиции, что Миллер- дальтоник, а Горошко ничем иным, как бесконечным варьированием "Авиньонских девушек", не занимается.

Плохое освещение, случайный отбор работ, местами отвратительная развеска- все это мы не без основания списываем на счет выставочной комиссии, планировки, на счет заведомой непригодности помещений для выставок,- на чей угодно счет...- а что же остается на долю художников? Естественно, им пришлось принять все "но" официального дебюта, а потому, если в этом царстве случайности- еще заметны удачные- при всех недостатках развески- работы, то здесь заслуга только авторов, сумевших по- каз а т ь, невзирая на все сложности показа в таких залах.

Начнем с художников, известных по квартирным выставкам последних лет.

Тимур Новиков дал семь работ; в них едва ли видишь итоги, зато очевидно появление объективно нового, незаметного прежде многим, следящим за творческим процессом художника. Картины Новикова достаточно однородны по исполнению; видя их одну за другой, вернее- одну п о с л е другой, мы могли бы никаких особых перемен не заметить, а тут вдруг случилась выставка, и для Новикова она оказалась очень кстати.

Семь работ, и, при схожем колорите, при типичной для Новикова несколько "ватной" манере письма, при прежнем чувстве ритма /а Новиков- один из ритмичнейших художников последнего поколения/, - между "Окном" /1978г./ и работами совсем недавними- почти пропасть. Нет, никакой коренной ломки не произошло, никакой маски не надето; и в том, и в другом виден о д и н художник, и тем ценнее этот достаточно спокойный и размеренный путь: от фантастики как таковой- к фантастике во вполне реальном. Пример этому "абстрагированию наоборот"- путь от "Города" к "Городскому пейзажу", "Одной ночи" /оба 79 года/.

И кто знает, не окажется ли луна, взошедшая над спящим домом в "Одной ночи" - Вифлеемской- для самого художника, не сулит ли она больших перемен в его творчестве, намечившихся уже сейчас?

Столь же приятное впечатление оставляют работы Фигурной. На сей день это- итоги, позволяющие оценить ранние работы Фигурной как малоудачные поиски- настолько эти последние холсты убедительны. В отличие от Новикова, здесь - не перерождение, а, скорее, з а р о ж д е н и е крепкого, хорошо решающего цветовой задачи, живописца. Особенно, на наш взгляд, удачны "Портрет", "Коровы", "Рыбы". Что до "натюрморта", то он раздражает какими-то "стерео-эффектом": фон существует сам по себе, ваза с цветами - сама по себе; единого организма нет, а есть два друг на друга наложенных изображения, две декорации, одна другой случайнее. Безусловно, натюрморт эффектен, но эффектность тут довольно "расхожего" толка- достаточно сравнить эту работу с висящими справа "Рыбами", где есть на то намек, но соблюден необходимый такт, не говоря уж с чисто-живописных достоинствах.

Означают ли эти работы окончательное становление Фигурной-живописца- сказать пока трудно, но- бесспорно- это успех, стоящий всех /будем надеяться- проведших/ летаний из одного стиля в другой.

Впрочем, "мятущихся" здесь и без того хватает- речь идет о Полетаевой, Васильеве, и, отчасти, Федорове и Го-

рошко.

Угол, отведенный Полетаевой, настолько пестр и разнолик, что судить о художнике по этой экспозиции /а у Полетаевой она- первая/- почти невозможно. Чего тут только нет- от парижского Салона девятисот четвертого года до мюнхенского "Синего всадника"- разумеется, с изрядной примесью "нижегородского"... Работ довольно много, но общая картина разваливается, точнее, ее нет вообще. В силу этого удачные, немного гереновские, натюрморты 79 года решительно гибнут, "Фимиамом удушенные"- речь идет о неудовлетворительной, на наш взгляд, "Египетской серии", написанной, исключая "Натюрморт со статуей" в течение этого года. Трудно сказать, что это: декоративные панно?- но присутствует холст; станковая живопись?- но работы безнадежно "сыры"; эскизы для ковров?- но какой ковер вынесет подобную сюжетную заостренность?..

Интересен "Рождественский натюрморт", хотя, быть может, он излишне эффектен. Здесь уже не парижский Салон, а наша ленинградская Лавка художника... Немного особняком стоит американо-провинциальная "Композиция № 9", скорее разбивающая надежду увидеть нечто действительно, не столь уж невозможное при способностях Полетаевой.

Совершенно неудачно представлен Горошко. Все четыре работы из одной серии- не более, чем период, и по ним невозможно составить представления о живописи Горошко, и без того не слишком определившейся. Исключая "Натюрморт с двумя головами", на наш взгляд, более индивидуальной, эти работы имеют ценность более штудийную, чем экспозиционную. Горошко хотел проанализировать французскую живопись 10-х - 20-х годов, и это ему вполне удалось, но представлять эти опыты как экспозиционные работы, как результаты - нельзя. Куда интереснее знакомые по квартирным выставкам два натюрморта /оба - 79г./, отклоненные комиссией.

Из множества работ Федорова наибольшего внимания заслуживают "Михайловский замок", "Ильский пейзаж" /78г./ и "Деревья". Несмотря на обилие графики, нам представляется, что стихия Федорова- живопись. Так, по крайней мере, видно из выставленного. Городекой пейзаж, по-своему,

увиденный, здесь самый удачный жанр. И как только делается попытка соединить его с портретом, получается нечто замученное /"Портрет"/. "Натюрморт" и "Портрет брата" не столь удачны, но не портят впечатления.

Сумбурно воспринимаются работы Васильева. "Естество", "Ночной цветок", диптих "Двое из нас" - все это не более, чем поиски, и, хотя круг Васильева достаточно определен, чтоб не сказать - узок, пока трудно сказать, к чему эти поиски приведут. Предполагает ли подобная замкнутость художника в беспредметном-интенсивное развитие взамен экстенсивного - покажет время.

Классический пример интенсивного развития, буквально бурения - Миллер. Его творчество хорошо знакомо по квартирным экспозициям - групповым и персональной. Многие представленные здесь работы уже выставлялись. Приятно было снова повстречать и "Город", и "Биодинамическую композицию", и "Фигуру с барабаном". Еще один представленный здесь городской пейзаж /79г./ портит некоторая цветовая непроработанность, и уж совсем засушенным выглядит "Почтение". Прекрасна самая "свежая" живопись - "Танец" /май 79г./, с тонко уловленной структурой и благородным колоритом. Радует, что здесь Миллер избежал обычной многословности.

Вообще, по уменью "выстраивать" работу, по владению композицией, по общей углубленности, столь далекой от нет-нет, да и мелькающего на этой выставке "рапенства", Миллер - один из редких молодых художников.

Тихомирова выставлена совсем неподобающим образом - и в смысле отбора, и в смысле развески. Сначала видишь случайно скомпонованные и изрядно перегруженные композиции "Хозяйка леса" и "Карнавал" /обе - 79г./, и только потом в узком простенке успокаиваешься на "Осени" и "Свадьбе" /также 79г./. Тихомирова, уже вполне определившаяся в том, что принято называть "народным примитивом", должна быть максимально открыта и без корысти - иначе открывается дорога к некоторой "псевдонародности" /"Вечер"/, или сладавости /"Славка"/. В основном, баланс выдерживается, - работ, подобных "Осени" немало, но здесь их, увы, нет.

Что сказать о Кошелухове? Вот пример движения вперед — минуя все коряги эффектации и компиляторства. "У гор", "Бухта" и "Скалы" — мощные, очень самостоятельные работы. Прекрасны натюрморты, хотя в них чуть-чуть угадывается увлечение фовизмом, а может, они только по какой-то случайности и похожи на фовистские — для Кошелухова это частое явление. Менее интересны "Вечер" и "На Волхове". Отдельно стоят "Мотив" и "Моя дочь" — безусловно хорошие, и как-то не по-кошелуховски, некие работы. Сам художник, наиболее откровенный и ищущий из наших "молодых". Он бредит и бредет, бредет и бредит, но поиск его смел и плодотворен, и ему можно только пожелать успеха.

Обзор можно закончить размещенными в первом зале работами Зверева. Зверев — явление очень любопытно, хоть и типичное. Фигуры, подобные ему, возможны во все времена, во всех центрах художественного авангарда. Это художник Божьей волею, ни к кому не прислушивающийся, безалаберный рапек — но с чувством меры и очень твердой рукой. Здесь он представлен только портретами — довольно тонкими компромиссами между глубоким пониманием природы и внешней эффектностью, какой-то "моментальностью". Буквально теряешься в догадках, чего же не хватает во всех этих непринужденно сидящих в венских креслах гостях его мастерской — разве что тщательности, которая здесь все бы испортила...

Зверевым начинается экспозиция; Зверевым же кончается наш обзор. Подводя итоги, скажем, что, при всех больших недочетах, выставка приятна уже тем, что она состоялась. Пусть экспозиция являлась немного кривым зеркалом наших последних художественных исканий, но если "Выставкой десяти" дело не ограничится, если она — одна из первых подобных, — то ее стоит только приветствовать.